

И. Б. Михайлова

«Страшное кино» о «психологии власти». О фильме «Царь» — его создатели

Пять лет назад, в мае 2009 г. П. С. Лунгин закончил съемки кинофильма «Царь» и представил его на суд сначала зарубежных, затем российских зрителей. Первоначальный сценарий картины, написанный пермским искусствоведом-культурологом, журналистом А. В. Ивановым, был значительно изменен режиссером, затем переработан писателем в роман «Летоисчисление от Иоанна». Последний, изданный в Санкт-Петербурге в 2010 г., несмотря на то, что напечатан в обложке с изображением киногероев — Ивана Грозного и митрополита Филиппа, сильно отличается от окончательного сценария, по которому сделан фильм П. С. Лунгина¹.

В главных ролях кинодрамы снялись П. Н. Мамонов (Иван Грозный), О. И. Янковский (митрополит Филипп), А. Донцова (блаженная девочка Маша). Алексея Басманова сыграл А. Ю. Домогаров, царицу Марию Темрюковну — Р. Р. Искандер, Малюту Скуратова — Ю. А. Кузнецов, воеводу Ивана Колычева — А. В. Макаров, расстриженного монаха Вассиана — И. И. Охлобыстин, Генриха Штадена — В. Хаапсало, Федора Басманова — А. А. Ильин (младший). Оператором-постановщиком был приглашен американец Т. Стерн, прославившийся на этом поприще в фильмах К. Иствуда, звукорежиссером — француз С. Альбине, художником-постановщиком — С. В. Иванов, художником по костюмам — Н. М. Дзюбенко. Музыка для фильма написал Ю. Красавин. «Съемки “Царя” проходили в Суздале, где на территории Спасо-Евфимиева монастыря были построены декорации старой Москвы XVI века: опричный дворец, сторожевые башни, пыточный городок. Костюмы для фильма были выполнены в полном соответствии с историческими реалиями того времени — вплоть до малейших деталей платьев горожан из разных сословий и костюмов массовки»².

«Царь» демонстрировался в программе «Особый взгляд» на 62-м Международном кинофестивале в Каннах и был показан на

Михайлова
Ирина Борисовна,
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

церемонии открытия XXXI Московского международного кинофестиваля, но премий на этих престижных конкурсах не получил. В то же время он вызвал бурную, ожесточенную полемику в прессе и сети Интернет, перешедшую из области искусства в сферу религии и политики, характеризующуюся наряду с единичными попытками объективного анализа картины грубостью, даже оскорбительными выпадами в адрес оппонентов и создателей кинофильма³. По этому поводу П. С. Лунгин сообщил журналистам: «Я даже во время съемок, после того как о них стало известно, получил несколько любопытных писем, смысл которых — не трогай нашего великого царя, проклятый русофоб»⁴; в Интернете «был спор не о прошлом, а о будущем России и об их (участников дискуссии. — *И. М.*) месте в ней. Я даже стал получать угрозы по мобильному телефону»⁵. «Критики», по определению А. Г. Мосина, «хулители» фильма «Царь» не только не учитывали мнений режиссера и занятых в картине актеров, они даже не потрудились узнать их. Однако именно представления П. С. Лунгина, П. Н. Мамонова, других участников съемочного процесса о сути и форме созданного ими кинопроизведения, его персонажах, сыгранных ролях позволяют понять замысел картины и судить о его реализации.

Показу «Царя» в кинотеатрах России предшествовала масштабная рекламная кампания, организованная П. С. Лунгиным. В неоднократных интервью режиссер откровенно и подробно рассказывал о работе над фильмом, делился мнением о личности Ивана IV и его опричной политике.

«Картина — о царе, о власти. Все, что в ней происходит, — это споры вокруг власти и о понимании власти», — определил содержание своей работы П. С. Лунгин⁶. Задаваясь вопросом, «что такое русская власть: в чем ее сила, природа и загадка?» — он охарактеризовал годы правления Ивана Грозного как «один из определяющих и показательных в этом плане периодов отечественной истории». В представлении режиссера Иван IV — это «микс беспощадной тирании и искреннего идеализма — то есть абсолютно шекспировский герой. Человек с раздвоенной личностью. Одна из которых глубоко православна, другая — порочна... Он был беспощадным. Даже зверем. На его совести множество невинных жертв... Но все-таки Иван Грозный — неоднозначная и противоречивая персона. Что называется: днем казнил, а ночами молился. Он был святым и грешником в одном лице. А еще и художником. Это удивительно, но ведь он писал стихи, сочинял музыку. Вся его жизнь — юродство и постоянный театр. Где его истинное лицо не разберешь. А потом, он же был образованным и начитанным человеком. И, возможно, искренне хотел Руси только блага. Правда, средства для достижения цели были выбраны спорные — макиавеллевские»⁷. «Меня интересует именно то, почему царь так поступал, что двигало этим человеком?» — признавался П. С. Лунгин, но однозначного ответа на этот вопрос он не нашел. Режиссер размышлял: «То ли это от того, что он (Иван IV. — *И. М.*) считал себя почти Богом. И требовал от людей соответственного отношения к своей персоне. А тот, кто не хотел этого признавать — враг отечества, достойный

смерти. Или же все дело в популярной в то время идее о скором конце света... Иван Грозный почувствовал надвигающийся Апокалипсис, возомнил себя верховным судьей и поэтому запустил карательную машину. Ведь в фильме он так и говорит: “Может, я как человек — грешник, но как царь-то я праведен”. И вера эта была в нем сильна»⁸.

В рекламных материалах, подготовленных для презентации картины, ее жанр определен как «историко-философская драма»⁹, поэтому вопрос о власти конкретного правителя здесь переведен в плоскость широких обобщений. В связи с этим П. С. Лунгин отметил: «Опыт нашей коррумпированной демократии вызвал у людей негативное отношение к демократическим институтам власти вообще. Но, на мой взгляд, коррумпированный абсолютизм — еще больший ужас. Хотя бы потому, что при коррумпированном абсолютизме они не смогут даже высказывать свое мнение. Поэтому будут говорить, что всем довольны... Ты можешь воровать, лгать, делать все, что угодно, не задаваясь при этом вопросом о моральной стороне этих поступков! Потому что власть взяла на себя функцию твоей совести. У нее в руках палка, и она за тобой смотрит, таким образом освобождая тебя от контроля за своим собственным поведением. В результате имеем общество, в котором отсутствует самоконтроль и какое бы то ни было самоограничение... Это качество — абсолютную вседозволенность, желание пройти к цели по трупам, по головам — сформировала в русских людях власть, начало которой положил Грозный. Власть, которая не верит тем, кем управляет. Ведь Грозный не верил никому, даже самому близкому окружению. Он считал, что все — предатели. Все воры. А значит, и казнить в принципе можно любого»¹⁰. Режиссер считает: «Один из главных русских мифов заключается в том, что жестокие правители, тираны — это и есть лучший вариант для нас. И что прогресс в России может достигаться только большой кровью... Этот миф необходимо пересмотреть»¹¹. Решению этой задачи посвящен фильм «Царь».

Другим аспектом вопроса о форме власти, целях и методах реализации ее потенциала является представление об особенностях менталитета главы государства, этике его конкретных распоряжений и политике в целом, соблюдении или игнорировании им самим, приближенными и подданными/гражданами религиозных, морально-нравственных, юридических норм жизнедеятельности, ограничивающих беспредельное самоуправство и абсолютную вседозволенность. В связи с этим П. С. Лунгин вслед за своим персонажем митрополитом Филиппом «не приемлет главный соблазн всех правителей — тиранов: заменить Бога властью»¹². По мнению режиссера, этот глубоко порочный искус всегда оборачивался катастрофой не только для верховного властителя, но и для всего русского народа. Иван Грозный уверовал в то, что он — «Бог на земле... Государство, которое он создавал, строилось на одном лишь бесконечном обожании его персоны». Итогом этой политики стало «Смутное время с поляком на русском троне», разорение и ослабление Московского государства, которое едва не утратило независимость и не прекратило существование»¹³.

Мысль о подмене Бога царем вызвала у собеседников П. С. Лунгина ассоциацию с другим могущественным правителем — И. В. Сталиным. «Говорят: “Грозный”, подразумевают: “Сталин”», — согласился с ними режиссер¹⁴. Однако он отклонил предположение об инозначности образа монарха в снятом им фильме: «Грозный значительнонее Сталина. Тот, конечно, пытался рядиться в его одежды, но остался только эпигоном»¹⁵. Поэтому кинолента посвящена именно царю, который, по мнению П. С. Лунгина, «силой личности во многом определил нашу историю и то, что мы называем русской властью»¹⁶.

Если православный государь принял на себя функции Бога и залил страну кровью, то его антипод митрополит Филипп, олицетворяющий гуманность, мудрость, святость, «необыкновенную духовность», «не побоялся восстать против ужасов опричнины»¹⁷. Мысль о противостоянии двух исторических персонажей также выведена создателями фильма в сферу социальных и культурологических обобщений. Согласно П. С. Лунгину, в «православии нет единства, а есть две составляющие... Одна из них ставит во главу угла мудрость, а другая — государство, власть и силу. Из-за того, что они сосуществуют, в нашем обществе есть элемент двоебожия... Из этой раздвоенности вышло все наше двоесловие, двоемыслие и двуязычие, которых нет нигде в мире... Власть объявила себя божественной при Иване Грозном. А одновременно с ним и его идеей абсолютной власти существовал Христос с идеей добра и жертвенности. В этот момент в головах и возникло раздвоение... между понятием внутреннего добра — для семьи, друзей, близких — и понятием добра как государственного блага... Как бы мы ни называли нашу систему и власть — монархией, коммунизмом, социализмом или неокapитализмом, все это лишь разные обозначения, представленные в простейшее алгебраическое выражение одного и того же обстоятельства — что интересы государства не совпадают с интересами семьи, и мы живем между одними и другими»¹⁸.

Герои кинофильма «Царь» Иван Грозный и митрополит Филипп не только представляют различные течения в православии и действуют в соответствии с протиположными понятиями о морали и праве, они — титаны эпохи Ренессанса, олицетворяющие два ее периода: стадию развития и фазу гибели. Владыка Филипп — это «абсолютно человек Эпохи Возрождения, уровня Леонардо да Винчи, каких немного в истории. Он был архитектором, инженером, изобретателем. И при этом — пустынноиком, схимником и аскетом... Иван Грозный — его стопроцентный антипод. Это царь, который остановил развитие России, отбросив ее на несколько лет назад. Филипп же пытался этому всячески противостоять»¹⁹.

Динамично развивающаяся драматичная история противоборства «человека Средневековья Ивана Грозного, во многом преломившего и остановившего эпоху Ренессанса в России, и человека Возрождения митрополита Филиппа, проповедующего истинно гуманистические ценности»²⁰, первоначально веривших друг другу, пытавшихся найти взаимопонимание и поддержку в трудном деле служения Родине — православной Московской державе, завершается разочарованием героев из-за несбывшихся надежд, бескомпромиссным

неприятием мировоззрения и образа действий друг друга, мнимой дьявольской победой самодержца, обернувшейся крахом его опричной политики и полным распадом личности, токсичным одиночеством государя, покинутого его подданными, и в то же время — апофеозом во славу святости и духовности русского народа, мученически и мужественно претерпевшего все выпавшие на его долю испытания в годы опричного террора, Смуты начала XVII в., революций, войн, социальных катаклизмов XX столетия.

Аналогично, в качестве выдающихся деятелей эпохи Возрождения, первый русский царь и митрополит Филипп изображены в классической киноэпопее С. М. Эйзенштейна²¹. Но здесь, в отличие от «Царя», их противостояние — только ряд эпизодов в масштабной картине борьбы опричного властелина с отживающим миром боярского своеволия. В «Иване Грозном» С. М. Эйзенштейна митрополит Филипп — образ неоднозначный. С одной стороны, он холоден, мрачен, привержен старинным удельным порядкам. С другой стороны, он яростно осуждает «сатанинского» царя-тирана, защищает гуманизм и свободу православного русского народа. Эта противоречивость хорошо передана в сценах объяснения монарха с владыкой в тронной палате Кремлевского дворца, и обвинения Филиппом опричного властелина в Успенском соборе. Обе они великолепно стилистически оформлены.

В первой сцене предстают две страстные, суровые, уверенные в правоте своих представлений личности. Гнетущее бремя власти, необходимая, но опустошающая душу жестокость, враждебность знати, одиночество измучили Ивана Грозного. Он просит Филиппа понять и поддержать его. Но митрополит осуждает политику государя и выносит ему страшный приговор: «Сиди один, поносимый, обреченный, проклинаемый! ...О д и н!»²² Владыка крикнул это и решительно пошел к выходу. Царь вскочил с трона и устремился за ним. И схлестнулись две стихии, две могучие силы сошлись в грандиозной битве будущего с прошлым, жизни и смерти. Внешним ее выражением стала игра длинных шлейфов богатых одеяний самодержца и владыки, прекрасно описанная Р. Н. Юреневым. «И два шлейфа — черный бархатный шлейф митрополичьей мантии и пышный меховой шлейф длинной царской шубы, — словно две бурлящие реки, словно две враждующие стихии, крутятся, сталкиваясь, потекли друг на друга, поплыли по плитам пола. Иван угрожает, Филипп уходит. И шлейфы спешат один за другим. Иван умоляет не покидать его, понять, помочь. Филипп останавливается. И шлейфы ложатся округлой волной. Иван бросается на колени. Филипп жестко ставит свои условия — “за осужденных тобой заступаться”, и сначала шлейф Филиппа, а затем шлейф вскочившего в гнев Ивана приходят в бурное движение. Уходит Филипп. Иван наступает ногой на шлейф: “Стой!” Иван падает на колени снова: “Быть по-твоему!” И вслед уходящим, примирившимся противникам широко и торжественно текут как бы слившиеся в одно русло, но не смешавшиеся два потока... Мизансцена, монтаж, ракурсы этой волшебной сцены шлейфов — все подчинено единому движению: движению спора, мысли, движению борьбы двух друзей-врагов, двух могущественных трагедийных характеров»²³. И над

ними, подчеркивая решающий характер этой битвы сил добра и зла, на фреске тронной палаты «ангел гневный — апокалиптический — ...вселенную ногами попирает»²⁴.

В другой раз противостояние Ивана Грозного и Филиппа Колычева показано в Успенском соборе. В праздничный храм, где нарядно одетые люди смотрят церковное представление о чудесном спасении праведных библейских отроков²⁵, врываются опричники.

«По собору черной лавой растекаются.
От той черной лавы
золото боярских шуб тускнеет...
и царю с опричниной
навстречу слова летят:
“Пошто, халдеи бесстыдные,
Царю беззаконному
Служите?
Пошто, халдеи бесовские,
Царю сатанинскому —
Хулителю, мучителю —
Радуетесь?..”»²⁶

Митрополит Филипп сравнивает Ивана Грозного с беспощадным вавилонским царем Навуходоносором, язычником, мучившим праведных отроков, и последних — с врагами самодержца, боярами²⁷. Его вторичная попытка смирить тирана оборачивается новым, еще более жестоким разгулом опричнины. Ее вдохновитель и повелитель и у С. М. Эйзенштейна, и у П. С. Лунгина — всегда «Один как единовластный и Один как одинокий»²⁸.

На вопросы журналистов о преемственности двух картин об Иване Грозном и различиях в трактовке образов их главных героев С. М. Эйзенштейном и П. С. Лунгиным последний ответил, что эти фильмы — «слишком разные». Режиссер считает, что гениальный создатель «Ивана Грозного», вынужденный выполнять «госзаказ Сталина», чтобы не «воспевать царя», «ушел... в чисто эстетическую конструкцию». Сам же П. С. Лунгин стремился «снять более личное кино, чтобы разобраться в психологии власти» и «познать внутреннее состояние Ивана Грозного»²⁹.

Так же искренне режиссер охарактеризовал игру актеров, приглашенных им в фильм «Царь». Уже во время съемок картины «Остров» (завершена в 2006 г.) он решил отдать роль Ивана Грозного П. Н. Мамонову, у которого заметил «характерный блеск глаз: в нем и безумие, и страдание, и вся противоречивость»³⁰. «Фактура Мамонова, его лицо и характер, в котором присутствует удивительная смесь набожности, юродства и искренности — вот ключ к образу Ивана Грозного. У них фантастическое сходство! Без Мамонова я бы точно не

стал снимать это кино...» — объяснил свой выбор актера П. С. Лунгин³¹. С О. И. Янковским до начала работы над фильмом режиссер знаком не был. Он «искал духовности и благородства. А Олег Иванович сочетал в себе эти качества»³². «На роль Филлиппа, — подтвердил эти слова П. С. Лунгин, — мне нужен был актер, лицо которого могло бы выразить покой и благородство, и Янковский подходил идеально»³³.

Мнениями о сыгранных ими ролях также обменялись занятые в фильме актеры. Отношение П. Н. Мамонова к картине «Царь», образу монарха и собственной игре неоднозначно. Согласно его словам, сказанным в июне 2009 г., П. Н. Мамонов «хотел сыграть просто русского человека, а это понятие обширное... Иван Васильевич... говорил, что не будет головы рубить, — и опять рубит». В понимании артиста «честный, умный, талантливый» Иван IV «хотел быть с Богом», «старался» управлять государством во благо подданным, «взял на себя ношу, но куда он ее понес?!» По мнению актера, у П. С. Лунгина и собранного им творческого коллектива «страшное кино вышло», которое дает возможность зрителю увидеть «себя со стороны», ощутить «свое раздражение, злость»³⁴. Перед премьерой фильма на российском экране П. Н. Мамонов охарактеризовал мастерство О. И. Янковского. По его словам, «так замечательно сыграть святого мог только такой скромный, добрый и талантливый человек, как Олег Иванович, который прекрасно передал уникальное качество русской души — святость»³⁵.

Спустя два года актер четко определил свое отношение к образу царя Ивана, но терзался сомнениями относительно глубины и выразительности собственной игры. В беседе с журналистом он сказал: «Мне важно, чтобы зло в фильме было показано соответствующим образом. Чтобы не было упоения злодейством. Чтобы отрицательный герой не вызывал симпатии... В “Царе” я сыграл настоящего негодяя — Ивана Грозного. Намерения были наилучшие, однако убедительно не получилось ни у меня, ни у Лунгина. Но с точки зрения этики эта роль безупречна. В ней моему персонажу нет никакого оправдания, он сумасшедший тиран. И никаких других трактовок здесь быть не может»³⁶. Нельзя не заметить эволюцию представлений актера о фильме «Царь» и его главном герое.

Исполнительница роли Марии Темрюковны Р. Р. Искандер считает, что ее героиню «воспитывали как мальчика... Жестокость и принцип “выживает сильнейший” — все это ей привили еще в детстве». При этом, будучи восточной женщиной, царица подчинялась строгому закону: «Мужа надо любить». Но, действуя согласно требованиям Домостроя, «она, как женщина хитрая, делала и свое дело, не нарушая традиций, конечно»³⁷.

По мнению десятилетней актрисы А. Донцовой, «Иван Грозный был очень умным, но при этом и весьма суровым и беспощадным правителем на Руси. В то время было очень тяжело и страшно жить, люди постоянно воевали и голодали». Ее персонаж — «добрая девочка... Маша, спасающая других людей». Согласно А. Донцовой, «“Царь” — исторический фильм с очень красивыми костюмами и декорациями»³⁸.

Итак, создатели фильма «Царь» пытались показать Ивана Грозного и митрополита Филиппа Колычева как сложных, сочетавших в себе противоположные начала героев: царя — жестоким, маниакально властолюбивым идеалистом-книжником, воплощавшим в жизнь свои кошмарные видения; владыку — наивно-простодушным, добрым создателем-отшельником, в обстановке несправедливости и вседозволенности привратившимся в негибачего борца с деспотией и злом. В фильме впервые в отечественном киноискусстве оба верховных правителя России — самодержец и глава церкви, выступают прежде всего как христиане, верующие люди, каждый из которых призван служить Отечеству и русскому народу. Однако это предназначение они понимают по-разному. Иван Грозный стремится к сосредоточению в своих руках всей полноты власти. Среди апокалипсических ужасов, порожденных его воспаленным сознанием, в ожидании Страшного Суда царь чинит расправы над грешниками, препятствующими ему вести праведных подданных в Небесный Иерусалим. Душевная чистота, благородство, богоугодные деяния и мученические страдания владыки позволяют ему еще при жизни обрести святость, дар совершать чудеса. Эсхатологическая борьба зла и добра завершается не победой, а поражением опричного царя и вместе с ним — сил безграничной власти, террора, смерти. Создатели фильма прославляют моральную чистоту, нравственность, готовность к самопожертвованию ради бесправных, униженных, незаконно осужденных на пытки и казнь — те качества, которые присущи Филиппу Колычеву и составляют сущность непостижимой для чужеземцев и иноверцев души русского православного человека. Религиозно-философская драма была воспринята политизированными приверженцами культа Ивана Грозного как экранизированное учебное пособие по отечественной истории и в этом качестве подвергнута критике в духе тех расправ, которые опричный самодержец устраивал над своими современниками — «клеветниками», «изменниками» и «еретиками» второй половины XVI в.

¹ Вислов А. А. Тень Грозного // Литературная газета. 2009. 11–17 ноября. С. 1.

² [Без автора] Царь // Царь. Грозный царь — грозное время. Пресс-материалы / Реж. П. Лунгин. Б/м, 2009. С. 4. — За консультацию и предоставление пресс-материалов «Царь. Грозный царь — грозное время» благодарю кандидата исторических наук, доцента Е. С. Кащенко.

³ Мосин А. Г. «Царь» и его хулители. О фильме Павла Лунгина и не только о нем // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2010. № 3 (33). С. 146–147.

⁴ Культ грозной личности. Павел Лунгин о своем новом фильме / Беседовал Ю. Арпишкин // Гудок. 2009. 22 мая. С. 6.

⁵ Лунгин П. «Раньше художника убивала цензура, теперь — равнодушие» // Новые известия. 2010. 13–19 августа. С. 14.

- ⁶ Лунгин П. Царь — главное российское понятие / Беседу вела С. Хохрякова // Культура. 2009. 7–13 мая. С. 1.
- ⁷ Лунгин П. «Я снимал типично российскую историю» // Царь. Грозный царь — грозное время. Пресс-материалы / Реж. П. Лунгин. Б/м, 2009. С. 15. — См. также: Культ грозной личности. С. 6.
- ⁸ Лунгин П. «Я снимал типично российскую историю». С. 15. — См. также: Лунгин П. С. 1) 1. «Власть в России должна быть грозной» / Записала Ю. Шигарева // Аргументы и факты. 2009. 13–19 мая. С. 3; 2) «Раньше художника убивала цензура...» // Новые известия. 2010. 13–19 августа. С. 14.
- ⁹ [Без автора] Царь. С. 3.
- ¹⁰ Лунгин П. «Власть в России должна быть грозной». С. 3.
- ¹¹ Трудная доля «Царя». Новый фильм Павла Лунгина вызывает жаркие споры не только о кино // Известия. 2009. 13–15 ноября. С. 8.
- ¹² [Без автора] Царь. С. 3.
- ¹³ Лунгин П. «Власть в России должна быть грозной». С. 3. — См. также: Культ грозной личности. С. 6; Трудная доля «Царя»... С. 8.
- ¹⁴ Лунгин П. «Раньше художника убивала цензура...» С. 14.
- ¹⁵ Культ грозной личности. С. 6.
- ¹⁶ Лунгин П. «Я снимал типично российскую историю». С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 16. — См. также: Трудная доля «Царя». С. 8.
- ¹⁸ Лунгин П. «Раньше художника убивала цензура...». С. 14.
- ¹⁹ Лунгин П. «Я снимал типично российскую историю». С. 6.
- ²⁰ [Без автора] Царь. С. 3.
- ²¹ Эйзенштейн С. М. «Иван Грозный». Фильм о русском Ренессансе XVI века // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 193–194; Михайлова И. Б. «Титан прошлого»: образ Ивана Грозного в представлении И. В. Сталина и С. М. Эйзенштейна // Ленинградская область в Великой Отечественной войне. К 65-летию Победы. Мат-лы науч. конф. 19–20 апреля 2010 г. Санкт-Петербург, выставочный зал «Смольный». СПб., 2012. С. 371.
- ²² Эйзенштейн С. М. Иван Грозный // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. Т. VI. М., 1971. С. 306.
- ²³ Юренев Р. Н. Сергей Эйзенштейн. Замыслы. Фильмы. Метод. Ч. 2: 1930–1948. М., 1988. С. 259–260.
- ²⁴ Эйзенштейн С. М. Иван Грозный. С. 303, 305.
- ²⁵ Подробнее об этом ежегодном представлении в Московской Руси XVI в. см.: Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 410–423; 2) «Пещное действо». Зимний праздник в Московской Руси XVI–XVII веков // Родина. Российский исторический журнал. 2013. № 12. С. 109–112.
- ²⁶ Эйзенштейн С. М. Иван Грозный. С. 333–334.
- ²⁷ Там же. С. 335.
- ²⁸ Клейман Н. И. Иван Грозный // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. Т. VI. М., 1971. С. 549.
- ²⁹ Лунгин П. «Я снимал типично российскую историю». С. 15–16.
- ³⁰ Культ грозной личности. С. 6.
- ³¹ [Без автора] Царь. С. 3.
- ³² Там же.
- ³³ Лунгин П. «Раньше художника убивала цензура...» С. 14.
- ³⁴ Мамонов П. Русский человек — понятие обширное // Царь. Грозный царь — грозное время. Пресс-материалы / Реж. П. Лунгин. Б/м, 2009. С. 17.
- ³⁵ [Без автора] Царь. С. 3–4.

³⁶ Мамонов П. «Грудь чужой женщины меня не интересует» / Записал А. Нечаев // Комсомольская правда. 2011. 21 декабря. С. 19.

³⁷ Искандер Р. «Встреча с Павлом Лунгиным для меня ознаменовала встречу с кино» // Царь. Грозный царь — грозное время. Пресс-материалы / Реж. П. Лунгин. Б/м, 2009. С. 18.

³⁸ Донцова А. «Всего сложнее было бегать с голыми руками на морозе» // Царь. Грозный царь — грозное время. Пресс-материалы / Реж. П. Лунгин. Б/м, 2009. С. 19.

УДК 791.43-24

Михайлова И. Б. «Страшное кино» о «психологии власти». О фильме «Царь» — его создатели // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 163–173.

АННОТАЦИЯ: Эта статья посвящена фильму П. С. Лунгина «Царь». Здесь дан анализ мнений режиссера и актеров П. Н. Мамонова, Р. Р. Искандер и др. об этом фильме, образах Ивана Грозного, митрополита Филиппа Кольчева, царицы Марии Темрюковны. «Царь» — это религиозно-философская историческая драма. Ее персонажи Иван Грозный и митрополит Филипп — великие и сложные люди эпохи Ренессанса. Согласно П. С. Лунгину и П. Н. Мамонову, царь Иван — это жестокий, маниакально властолюбивый правитель и идеалист-книжник, с трепетом ожидающий Страшного суда. Он воображает себя Богом и, подобно Иисусу Христу, уже судит и казнит на грешной земле «изменников» и «еретиков», чтобы только с праведным русским народом войти в рай. Митрополит Филипп — наивно-простодушный, добрый, гуманный игумен Соловецкого монастыря, в опричной Москве превращается в негибаемого борца с деспотией и злом. Эсхатологическая борьба сил добра и зла завершается поражением Ивана Грозного и апофеозом во славу моральной чистоты, духовности, готовности к самопожертвованию ради бесправных, обезбесценных, незаконно приговоренных к смерти людей. Такое понимание фильма было искажено критиками — политизированными приверженцами культа Ивана Грозного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Царь», киноискусство, П. С. Лунгин, П. Н. Мамонов, О. И. Янковский.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mikhailova.irina@inbox.ru

Mikhailova I. B. "Terrible film" about "psychology of power". Creators of the film about it's meaning'

ABSTRACT: This article is devoted to the film "The Tsar" created by P. S. Lungin. The author of the article gives an analysis of the meanings of the director and actors about the film and images of characters, such as Ivan the Terrible, Metropolitan Philip, Maria Temryukovna. "The Tsar" is a religio-philosophical historical drama. It's protagonists, Ivan the Terrible and Metropolitan Philip were greats and controversial persons related to the Renaissance. According to the meanings of P. S. Lungin and P. N. Mamonov, Ivan the Terrible, from the one side, was a cruel and ambitious of power ruler, but, from the other, was an idealistic scribe, who was waiting the Last Judgment with a trembling. He imagined himself as a God and judged and beheaded "traitors" and "heretics" as Jesus, to enter

paradise only with the Russian righteous people. Metropolitan Philip was a naive and kind abbot of the Solovetsky monastery. In the period of Oprichnina, he appeared in Moscow and became a fighter against evil and despotism. The eschatological fight between good and evil ended in defeat of Ivan the Terrible and with victory of moral purity, spirituality, which were identified with Metropolitan Philip. This meaning of the film was misrepresented by adherents of the cult of Ivan the Terrible.

KEYWORDS: "The Tsar", cinematography, P. S. Lungin, P. N. Mamonov, O. I. Yankovsky.

AUTHOR: Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mikhailova.irina@inbox.ru

REFERENCES:

- ¹ Vislov A. A. 'Ten Groznogo' in *Literaturnaia gazeta*, 2009, 11–17 November.
- ² *Tzar. Groznyi tcar — groznoe vremia*. Press-materials, Director P. Lungin (2009).
- ³ Mosin A. G. 'Tcar' i ego khuliteli. O filme Pavla Lungina i ne tolko o nem' in *Vestnik Uralskogo otdeleniia RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*, 2010, no. 3 (33).
- ⁴ 'Kult groznoi lichnosti. Pavel Lungin o svoem novom filme' in *Gudok*, 2009, 22 May.
- ⁵ Lungin P. '«Ranshe khudozhnika ubivala tcenzura, teper — ravnodushie»' in *Novye izvestiia*, 2010, 13–19 August.
- ⁶ Lungin P. 'Tcar — glavnoe rossiiskoe poniatie / Besedu vela S. Khokhriakova' in *Kultura*, 2009, 7–13 May.
- ⁷ Lungin P. S. '«Vlast v Rossii dolzhna byt groznoi»' in *Argumenty i fakty*, 2009, 13–19 May.
- ⁸ 'Trudnaia dolia «Tcaria». Novyi film Pavla Lungina vzyvayet zharkie spory ne tolko o kino' in *Izvestiia*, 2009, 13–15 November.
- ⁹ Eisenstein S. M. *Izbrannye proizvedeniia*, 6 volumes. Vol. I (Moscow, 1964), Vol. VI (Moscow, 1974).
- ¹⁰ Mikhailova I. B. '«Titan proshlogo»: obraz Ivana Groznogo v predstavlenii I. V. Stalina i S. M. Eizenshteina', *Leningradskaia oblast v Velikoi Otechestvennoi voine. K 65-letiiu Pobedy. Mat-ly nauch. konf. 19–20 apreliia 2010 g. Sankt-Peterburg* (St. Petersburg, 2012).
- ¹¹ Yurenev R. N. *Sergei Eizenshtein. Zamysly. Filmy. Metod*. Part 2: 1930–1948 (Moscow, 1988).
- ¹² Mikhailova I. B. *I zdes soshlis vse tcarstva... Ocherki po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI v.: povsednevnaia i prazdnichnaia kultura, semantika etiketa i obriadnosti* (St. Petersburg, 2010).
- ¹³ Mikhailova I. B. '«Peshchnoe deistvo». Zimnii prazdnik v Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov' in *Rodina*, 2013, no. 12.
- ¹⁴ Mamonov P. '«Grud chuzhoi zhenshchiny menia ne interesuet»' in *Komsomolskaia Pravda*, 2011, 21 December.